

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Институт социологии

**Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов, Н. В. Латова,
А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк**

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
КАПИТАЛ
РОССИЙСКИХ
ПРОФЕССИОНАЛОВ:
СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА,
ФАКТОРЫ

Москва • 2023

УДК 316.6
ББК 60.5
Ч39

Утверждено к печати Учёным советом ФНИСЦ РАН

Рецензенты:

д-р экон. наук В. В. Вольчик (Южный федеральный университет)
канд. экон. наук В. А. Аникин (НИУ «Высшая школа экономики»)

Авторский коллектив:

Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов, Н. В. Латова,
А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк

Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы : [монография] / Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов, Н. В. Латова [и др.] ; отв. ред. Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. – 488 с.

ISBN 978-5-89697-420-8

DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023

EDN XFSFHH

Современная Россия активно стремится повысить свой статус в мировом сообществе, что тесно связано с ростом роли человеческого капитала профессионалов. Это делает особенно актуальной диагностику определяющих качество их человеческого капитала характеристик, вектора их изменений и влияющих на них факторов. Отдельная проблема – насколько это качество связано с социальной и экономической успешностью российских профессионалов, что именно определяет степень этой успешности или, напротив, приводит их к «сползанию» в число бедных. Не менее важным является и сравнение значимых для оценки конкурентоспособности страны особенностей человеческого капитала профессионалов в России и в других странах. Именно этим проблемам и посвящена настоящая монография. Эмпирической базой исследования выступили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ), общероссийских опросов Института социологии ФНИСЦ РАН и International Social Survey Programme (ISSP) 2000–2022 гг. Монография является продолжением начавшейся в 2000-х гг. работы группы социологов Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством Н. Е. Тихоновой по комплексному осмыслению особенностей социальной структуры российского общества первой четверти XXI века.

Для социологов, политологов, работников системы государственного управления, философов, экономистов, демографов, а также студентов и аспирантов соответствующих специальностей.

УДК 316.3
ББК 60.5

ISBN 978-5-89697-420-8

© Авторы, текст, 2023
© ФНИСЦ РАН, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Подходы к анализу субъектов постиндустриального прорыва и роли их человеческого капитала в развитии обществ современного типа	16
Глава 2. Методология и методика выделения профессионалов в современных обществах	40
Глава 3. Динамика социально-профессиональной структуры российского общества и специфика профессионалов как особой группы в её составе	78
Глава 4. Состояние и динамика качества человеческого капитала российских профессионалов в 2010–2020-х гг.	116
Глава 5. Факторы качества общего человеческого капитала профессионалов: результаты регрессионного анализа	149
Глава 6. Внутригрупповая дифференциация человеческого потенциала профессионалов и особенности его воспроизводства	174
Глава 7. Социальная и экономическая успешность профессионалов в современной России: распространённость и основные проявления	223
Глава 8. Факторы успешности профессионалов и роль в их числе качества человеческого капитала	251
Глава 9. Бедность и малообеспеченность российских профессионалов: масштабы и причины	280

Глава 10.	Миграционная активность профессионалов и перспективы воспроизводства их человеческого капитала	307
Глава 11.	Роль досуговой активности профессионалов и их отдельных подгрупп в формировании их человеческого потенциала	341
Глава 12.	Сравнение состояния человеческого капитала российских профессионалов и профессионалов в других странах мира	369
Глава 13.	Вектор эволюции человеческого капитала профессионалов и перспективы международной конкурентоспособности России	407
	Заключение	440
	Приложения	452
	Список литературы	461
	Сведения об авторах	486

БЕДНОСТЬ И МАЛООБЕСПЕЧЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ: МАСШТАБЫ И ПРИЧИНЫ¹⁵⁰

Профессионалы традиционно рассматриваются в любом современном обществе как относительно благополучная на фоне остальных работающих социальная группа. Как было показано в предыдущих главах, это в значительной степени верно и для российского общества, несмотря на относительность и ограниченность социальной и экономической успешности в нём профессионалов. Их объективное и субъективное благополучие обусловлено тем, что они являются обладателями очень важного для современной экономики вида активов – качественного человеческого капитала. В то же время, учитывая, что цена любого товара, в том числе и человеческого капитала, определяется соотношением спроса и предложения на соответствующем рынке, может сложиться ситуация, когда, в силу избыточности предложения на рынке труда высококвалифицированной рабочей силы, ренты на человеческий капитал начинают сокращаться или даже вообще исчезают. Подобная ситуация на рынке труда может привести к распространению среди профессионалов безработицы и/или бедности.

Именно такая ситуация характерна для нашей страны уже несколько десятилетий. Ещё с середины 2000-х гг. в России фиксируется рост безработицы среди лиц с высшим образованием¹⁵¹ и снижение отдач от этого уровня образования [Лукьянова, 2010; Тихонова, 2017; Тихонова, Каравай, 2018 и др.]. В основе этих процессов – дисбаланс между числом лиц с высшим образованием и численностью пред-

¹⁵⁰ В главе частично использованы материалы статьи [Тихонова, Слободенюк, 2022].

¹⁵¹ Доля безработных с высшим образованием в составе безработного населения страны выросла с 11,3% в 2007 г. [Рабочая сила..., 2018: 115] до 24,0% в 2020 г. [Труд и занятость..., 2022: 55].

полагающих его рабочих мест¹⁵². В итоге многие профессионалы оказались сейчас в России перед растущими рисками безработицы, нестабильной занятости и относительного снижения оплаты их труда. Более того, эти риски могут совместиться в перспективе с последствиями процесса расслоения и поляризации данной профессиональной группы, прекаризации и обеднения значительной её части под влиянием ускоряющихся во всём мире технологических изменений [Кастельс, 2000; Тощенко, 2018 и др.]. Актуализируют вопрос о тенденциях ситуации с бедностью профессионалов в России и внешние шоки последних лет (масштабная пандемия коронавируса, беспрецедентная санкционная война, развязанная против России, последствия СВО на Украине и т. д.).

Таким образом, хотя типичная для России 1990-х гг. проблема бедности профессионалов к середине 2000-х, в связи с быстрым ростом благосостояния всех групп населения, казалось бы, прочно ушла из повестки дня, на самом деле она лишь перешла в «тлеющее» состояние и сейчас может вновь обостриться. В то же время бедность представителей данной группы не только является серьёзным препятствием для формирования российского среднего класса, но и сокращает их возможности для наращивания своих знаний и навыков даже при наличии у них соответствующих стремлений. Препятствует она и успешному воспроизводству обладающей наибольшим культурным и человеческим капиталом части населения страны. Невозможность для профессионалов без высоких рисков бедности и малообеспеченности даже простого демографического воспроизводства ведёт не только к сокращению среди них рождаемости, но и к ограниченности их возможностей инвестиций в человеческий капитал своих детей. Немаловажно и то, что недооценка высоко-

¹⁵² Доля лиц с высшим образованием достигла в 2020 г. 35,4% всех занятых [Труд и занятость..., 2022: 29] при численности рабочих мест для специалистов высшей квалификации в том же году в 26,2% (рассчитано по: [Труд и занятость..., 2022: 40]).

квалифицированного труда в стране на фоне нарастающей «уровнировки» в доходах населения [Модель..., 2018] может усугубить потенциал социальной напряженности в российском обществе. Вспомним, что именно протесты населения СССР (и прежде всего наиболее квалифицированной его части) против «уровнировки» сыграли немалую роль в масштабных трансформациях рубежа 1980–1990-х гг. Таким образом, последствия бедности и малообеспеченности профессионалов многогранны и чреватые серьёзными издержками для развития России в будущем.

Именно эти соображения побудили нас обратить в данной книге особое внимание на анализ распространённости в среде российских профессионалов таких явлений как бедность и малообеспеченность. Эмпирической базой исследования выступили репрезентативные версии 9-й, 20-й и 30-й волн РМЭЗ. Опросы в рамках этих волн исследования проходили: в 9-й волне в октябре–декабре 2000 г. (3949 респондентов от 18 лет и старше, в том числе 608 человек, т. е. 17% всех занятых, – профессионалы); в 20-й волне в октябре 2011 – феврале 2012 гг. (13 669 респондентов от 18 лет и старше, в том числе 1417 человек, т. е. 18% всех занятых, – профессионалы) и в 30-й волне в сентябре 2021 – январе 2022 гг. (9846 респондентов, в том числе 878 человек, т. е. 17% всех занятых, – профессионалы). Эти временные точки анализа относительно равномерно распределялись по двадцатилетнему периоду и позволяли проанализировать проблемы бедности профессионалов, зафиксировав основные тренды её изменения.

Теоретико-методологические основания анализа

Говоря о теоретико-методологических основаниях исследования бедности и малообеспеченности профессионалов в российском обществе, сначала следует более подробно пояснить, кого мы подразумеваем под бедными и малообеспеченными.

Для их выделения нами использовался так называемый абсолютный подход к бедности, основанный на сопоставлении доходов населения с экспертно задаваемой их величиной («чертой бедности» или прожиточным минимумом (ПМ)). Именно этот подход используется обычно для выделения бедного и малообеспеченного населения органами государственной власти и статистическими службами России. Соответственно, для выделения этих групп нами была выбрана методика, концептуально приближенная к используемой ФСГС РФ: «черта бедности» рассчитывалась индивидуально для каждого домохозяйства путём суммирования нормативов прожиточных минимумов (ПМ) в квартале, в котором проводилось исследование, с учётом региона проживания домохозяйства и его состава (количества в нём детей, пенсионеров и людей трудоспособного возраста). Полученная величина соотносилась с совокупным доходом домохозяйства, который указывался респондентом в ходе опроса. К числу бедных в результате были отнесены все домохозяйства, совокупный доход которых оказался меньше рассчитанного для каждого из них совокупного прожиточного минимума.

Под малообеспеченностью мы подразумевали при этом среднедушевые доходы, которые выше «черты бедности», но не превышают 1,5 прожиточных минимумов для домохозяйств соответствующей структуры в конкретном регионе. Выбор такой границы малообеспеченности учитывал прежде всего выделение в последние годы как самостоятельного объекта государственной поддержки группы с именно таким уровнем доходов, свидетельствующее о признании государством факта её нуждаемости и необходимости её материальной поддержки. Таким образом, это официально признанная граница социально-экономического неблагополучия в сложившихся сейчас в стране условиях. Однако для нас феномен малообеспеченности представлял также особый интерес в контексте его повышенного влияния на субъективное неблагополучие представителей данной груп-

пы. Такое влияние обуславливается, во-первых, расширенным, по сравнению со среднестатистическим россиянином, набором потребностей профессионалов, особенно в сфере потребления культурных благ и образования (как собственного, так и своих детей), что означает их более острое субъективное неблагополучие даже при доходах выше «черты бедности», но всё же не превышающих 1,5 ПМ. Во-вторых, оно обусловлено нетипичностью для представителей данной группы такого уровня среднедушевых доходов, что также обуславливает их более острое его восприятие за счёт соотнесения себя прежде всего с представителями именно группы профессионалов.

Наряду с абсолютным подходом к бедности как наиболее острой форме материального неблагополучия в мировой науке существует также другой, так называемый относительный, подход к ней, используемый обычно в развитых странах. Он существует в двух основных версиях. Это, во-первых, берущая начало ещё с работ П. Таунсенда [Townsend, 1979] депривационная версия этого подхода, предполагающая, что бедными являются граждане, испытывающие нехарактерные для членов определённого общества множественные лишения (депривации) и не способные поддерживать типичный для него образ жизни¹⁵³. Во-вторых, это монетарная версия относительного подхода, предполагающая, что определённый уровень доходов по отношению к медианным (реже – средним) для данного общества заведомо обрекает их обладателей на невозможность поддерживать типичный для него образ жизни. Поскольку, как было показано в литературе [Модель..., 2018], для современного российского общества невозможность поддерживать типичный для массовых слоёв населения образ жизни, а также наличие нехарактерных для них лишений получают практически стопроцентную распространённость

¹⁵³ Подробнее о различных подходах к бедности см. [Овчарова, 2012; Модель..., 2018 и др.].

при доходах менее 0,75 медианы доходного распределения в массовых слоях населения в соответствующем регионе¹⁵⁴, то мы рассчитали и число профессионалов с доходами не более 0,75 медианных. Таковых в конце 2021 г., согласно данным РМЭЗ, было 15% всех профессионалов. Это значит, что относительная бедность распространена среди них примерно втрое шире, чем абсолютная, и в число бедных при таком подходе попадает основная часть группы, которую в рамках абсолютного подхода к ней мы определили как малообеспеченных.

Бедность россиян в целом в различных интерпретациях данного феномена изучается достаточно активно. В то же время бедность именно профессионалов, как нетипичное для них состояние, практически не становилась в последние два десятилетия предметом самостоятельного изучения, хотя в 1990-е гг., когда бедность носила массовый характер и обеднение затронуло даже тех, кто обычно занимает устойчивые позиции на рынке труда и имеет предполагающий относительно высокие доходы уровень квалификации, данный сюжет находился в поле зрения российских учёных. Этим россиянам тогда называли «новыми бедными». Однако за широко использовавшимся тогда термином «новые бедные» у разных авторов скрывался существенно различный смысл. Чаще всего под ними подразумевали обедневших работников квалифицированного нефизического труда [Заславская, 1996: 19; Тихонова, 2003: 88–92; Чернина, 1994: 57 и др.]. Однако в других публикациях (например, [Радаев, 2000: 25]) понятия «новые бедные» и «работающие бедные» использовались как синонимы. Впоследствии, в 2000–2010-х гг., понятие «новые бедные» практически ушло из лексикона отечественных учёных, а ситуация с бедностью профессионалов и её причинами, за редкими исключения-

¹⁵⁴ В последнее время ФСГС РФ начинает также использовать относительный подход к бедности, хотя граница бедности при его использовании в России официально составляет менее 45%, а не 75% медианных доходов.

ми [Бедность..., 2014; Тихонова, 2013 и др.], не становилась предметом анализа даже косвенно.

Напомним также в контексте характеристики теоретико-методологических оснований нашего анализа, что, основываясь на доле профессионалов с разными значениями Индекса качества общего человеческого капитала, мы рассматривали значения этого Индекса для них в 0–5 баллов как низкие, 6–7 – как средние, 8–9 – как средне-высокие (или выше среднего), а в 10–13 – как высокие, поскольку эти значения Индекса КОЧК нетипичны в России даже для профессионалов.

Масштабы бедности российских профессионалов и её основные причины структурного характера

Бедность среди профессионалов была распространена в России по состоянию на конец 2021 г. сравнительно мало (5%) и встречалась у них заметно реже, чем среди работающего населения в целом. Малообеспеченность же их имела гораздо более массовый характер: 13% профессионалов имели среднедушевые доходы в своих домохозяйствах хотя и выше «черты бедности», но менее 1,5 прожиточных минимумов (при 19% среди всех работающих). При этом доходы большинства профессионалов были близки к доходам в домохозяйствах квалифицированных и даже неквалифицированных рабочих в тех же регионах, хотя риски бедности и малообеспеченности у рабочих были в 2021 г. всё же выше (см. рис. 9.1).

Тем не менее картина доходов профессионалов в конце 2021 г. выглядела всё же гораздо лучше, чем в 2000 и 2011 гг. (см. табл. 9.1). Массовое обеднение в 1990-х гг. этой наиболее квалифицированной части общества было к тому моменту в целом преодолено. Однако принципиальные изменения в этом отношении произошли ещё в 2000-е гг., а 2010-е гг. мало что добавили в плане улучшения их ситуации.

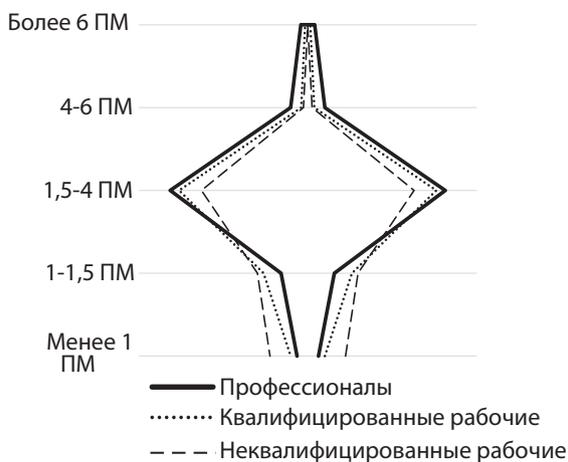

Рис. 9.1. Среднедушевые доходы в домохозяйствах представителей различных профессиональных групп в соотношении с региональным прожиточным минимумом (ПМ) для домохозяйств соответствующей структуры, РМЭЗ, 2021 г., %¹⁵⁵

Таблица 9.1

Динамика доходной структуры профессионалов, РМЭЗ, 2000–2021 гг., %

Группы	2000	2011	2021
Благополучные (среднедушевые доходы в домохозяйствах выше 1,5 ПМ)	25	72	81
Малообеспеченные (среднедушевые доходы в домохозяйствах от 1 до 1,5 ПМ)	21	19	13
Бедные (среднедушевые доходы в домохозяйствах менее 1 ПМ)	55	9	5

Доходы профессионалов предопределяются прежде всего размером оплаты их труда, следовательно, основными причинами их бедности являются факторы, влияющие на

¹⁵⁵ Фоном выделены показатели, превышающие 50%.

уровень их зарплаты. Согласно данным РМЭЗ, средняя зарплата профессионалов составляла в конце 2021 г. после вычета налогов 38 389 руб.¹⁵⁶ при 32 928 руб. в среднем по работающим. Близкие данные дал и опрос ИС ФНИСЦ РАН, проводившийся в марте 2022 г. Это говорит о недооценке высококвалифицированного нефизического труда в российской экономике, обусловленной как сложившимися ещё в советское время в силу бесплатности высшего образования и господства установок на социальную однородность общества традициями, так и дисбалансом спроса и предложения на соответствующем сегменте рынка труда, уже упоминавшимся выше.

При этом относительно невысокая зарплата профессионалов очень сильно дифференцирована по типам поселений, что создаёт для них в малых городах и сёлах повышенные риски бедности и малообеспеченности. Так, если в Москве их медианная зарплата составляла в конце 2021 г., по данным РМЭЗ, 57 тыс. руб., то в центрах субъектов РФ – уже 30 тыс. руб., в прочих городах – тоже 30 тыс. руб., а в сёлах – 24 тыс. руб. Отчасти в такой дифференциации «виновата» отраслевая структура занятости. Так, половина сельских профессионалов были заняты по состоянию на конец 2021 г. в образовании – отрасли, зарплата в которой вообще ниже, чем в среднем среди профессионалов. Ещё 17% их работали в учреждениях культуры и 5% – в сельском хозяй-

¹⁵⁶ Согласно данным ФСГС РФ, среднемесячная зарплата в октябре 2021 г., т. е. в момент начала опроса РМЭЗ, составляла у специалистов высшей квалификации 63 573 руб. [Федеральная..., 2022, табл. 24], т. е. 55 308 руб. за вычетом подоходного налога. Отчасти разница зарплат по статистическим и социологическим данным объясняется нюансами выделения группы профессионалов при использовании разных классификаторов занятий, отчасти – непопаданием наиболее высокооплачиваемых специалистов, зарплаты которых учитываются ФСГС РФ, в выборки массовых опросов, а отчасти – спецификой методик расчёта заработной платы ФСГС РФ и в социологических исследованиях. Тем не менее, при любых вариантах их определения зарплаты профессионалов относительно невысоки.

стве, т. е. в отраслях, также характеризующихся относительно низкими зарплатами. В то же время профессионалы из отраслей с наиболее высокими зарплатами концентрируются в основном в крупных городах¹⁵⁷.

На тип поселений во многом замыкаются не только межотраслевые, но и внутриотраслевые различия. Зарплата профессионалов зависит, в том числе, и от размеров предприятий, на которых они заняты: чем крупнее предприятие, тем выше на нем и средние зарплаты. А поскольку в крупных населённых пунктах вероятность встретить большие предприятия относительно выше, то в республиканских, краевых и областных центрах, а тем более в Москве или Санкт-Петербурге, не только выше оказывается доля высокооплачиваемых профессионалов, но и дифференциация их зарплат соответственно глубже. Обратной стороной этого выступает сравнительно небольшая дифференциация зарплат профессионалов на предприятиях одного размера в крупных городах, в том числе и на предприятиях одной отрасли. Так, в наиболее массовой с точки зрения занятости специалистов отрасли (образовании¹⁵⁸) разрывы в её размерах у профессионалов были в 2021 г., согласно данным РМЭЗ, 15-кратными. При этом на предприятиях с численностью работающих до 15 человек в данной отрасли они составляли 10,3 раз, а на малых предприятиях в крупных городах – лишь 3,8 раз.

Заметно дифференцирует зарплату профессионалов и занятость на предприятиях или в организациях государственного и частного секторов экономики. Хотя этот фактор влияет,

¹⁵⁷ О значимом влиянии отрасли занятости на размер зарплаты профессионалов говорят и данные государственной статистики. Лидерами по размеру зарплат, согласно укрупненной классификации занятий, выступают специалисты по информационно-коммуникационным технологиям (средняя зарплата в 2021 г. – 111 123 руб.), а аутсайдерами – специалисты в области образования (47 309 руб.) [Федеральная..., 2022, табл. 6].

¹⁵⁸ В образовании занято 1824,9 тыс. из 5029,9 тыс. профессионалов [Федеральная..., 2022, табл. 6].

как и упомянутые выше, на зарплаты всех профессиональных групп, но профессионалы относятся к тем из них, на которые он оказывает более сильное влияние, чем в среднем по работающим (см. табл. 9.2). Отчасти это связано с отраслевой спецификой этих секторов.

Таблица 9.2

Дифференциация средних зарплат представителей различных профессиональных групп в государственном и негосударственном секторах экономики, РМЭЗ, 2021 г., %¹⁵⁹

(отранжировано по величине разрыва средних зарплат между секторами)

Профессиональные группы	Гос. сектор	Негос. сектор	Разрыв, раз
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	23 347	33 194	1,42
Профессионалы	34 144	47 552	1,39
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	17 599	23 749	1,35
Руководители	42 245	52 878	1,25
Полупрофессионалы	30 794	36 809	1,19
Работники сферы торговли и услуг	22 503	25 391	1,13
Квалифицированные рабочие ручного труда	33 270	33 860	1,01
Операторы машин и механизмов	35 019	34 863	0,99

Таким образом, выходя на рынок труда по месту своего жительства, профессионалы оказываются в рамках довольно жёсткой сетки внешних структурных ограничений. Именно место жительства, с учётом различий структуры экономики отдельных регионов и типов поселений, во многом предопределяет для них возможность занятости на предприятиях той или иной отрасли, больших/средних/ма-

¹⁵⁹ Зарплаты по основному месту работы после уплаты подоходного налога.

лых или микропредприятиях, в структурах, относящихся к государственному или негосударственному сектору, находящихся в активно развивающихся или в депрессивных локациях¹⁶⁰. Все эти факторы сказываются и на рисках для них оказаться за чертой бедности или в числе малообеспеченных. В особенно тяжелом положении оказываются при этом профессионалы в сельской местности, составляющие свыше половины находящихся за чертой бедности представителей данной группы. При этом с годами отчётливо прослеживается тенденция всё большей локализации бедных профессионалов именно в сёлах, и в конце 2021 г. почти половина их проживала уже именно там (см. табл. 9.3). При этом благополучные в плане их доходов профессионалы всё в меньшей степени оказываются сосредоточены в столицах субъектов РФ или Москве и Санкт-Петербурге, хотя большинство из них проживали в этих городах и в 2021 г.

В целом значимость всех факторов бедности профессионалов, относящихся к макроуровню, за 2010-е гг. изменилась, причём разнонаправленно, о чём свидетельствует динамика коэффициентов Спирмена, рассчитанных на подмассивах профессионалов (см. табл. 9.4). В наибольшей степени среди этих факторов остались значимы характеристики, относящиеся к месту жительства профессионалов, хотя роль их всё же сократилась, что видно и из таблицы 9.3. Резко увеличил свою значимость при этом размер предприятия, где они работают. Наименее значимой для риска оказаться в числе бедных оставалась для профессионалов форма собственности этого предприятия.

¹⁶⁰ РМЭЗ не репрезентирует население страны по регионам, однако, как следует из данных ФСГС РФ, региональная дифференциация зарплат профессионалов тоже очень велика. Так, если в Дагестане и Кабардино-Балкарии средняя зарплата специалистов высшей квалификации составляла в октябре 2021 г. 32 778 и 29 877 руб., то в Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах – 148 879 и 126 489 руб. соответственно (в Москве этот показатель достигал 117 333 руб.) [Федеральная..., 2022, табл. 32].

Таблица 9.3

**Динамика места жительства профессионалов
с разным уровнем среднедушевых доходов,
РМЭЗ, 2000–2021 гг., %¹⁶¹**

Место жительства	Благополучные	Малообеспеченные	Бедные
<i>2021</i>			
Москва, С.-Петербург, центры субъектов РФ	53	42	18
Прочие города	25	20	24
Посёлки городского типа	6	9	11
Сёла	17	29	47
<i>2011</i>			
Москва, С.-Петербург, центры субъектов РФ	55	33	17
Прочие города	24	29	23
Посёлки городского типа	6	6	17
Сёла	15	32	44
<i>2000</i>			
Москва, С.-Петербург, центры субъектов РФ	69	55	45
Прочие города	22	28	25
Посёлки городского типа	5	7	6
Сёла	4	10	24

Для рисков малообеспеченности профессионалов все эти факторы структурного характера и раньше были, и сейчас остаются практически незначимыми. Максимальным коэффициент Спирмена был к началу 2022 г. для связи вероятности для профессионалов оказаться в числе малообеспеченных и размера населённого пункта, в котором они проживали. Однако и он составлял лишь 0,088 при значимости на уровне 0,05.

¹⁶¹ Фоном выделены ячейки, показатели в которых превышают 50%, а жирным шрифтом – максимальные показатели по группе.

Таблица 9.4

Коэффициент Спирмена для различных характеристик занятости и места жительства профессионалов, с одной стороны, и их принадлежности к группам бедных или небедных, с другой, РМЭЗ, 2011–2021 гг., %¹⁶²

Характеристики	2011	2021
Тип поселения	0,224	0,178
Численность его жителей	0,219	0,178
Размер предприятия	0,052	0,142
Государственное/негосударственное	0,007	0,019

Основные причины бедности российских профессионалов на микроуровне

Различия в роли факторов бедности и малообеспеченности профессионалов связаны с тем, что это разные по своей природе феномены, что ярко проявляется и при обращении к факторам микроуровня, усиливающим их риски. Малообеспеченность профессионалов относительно сильнее связана с размером домохозяйств и количеством несовершеннолетних детей в них. Бедность же, при всей значимости для неё этих факторов, относительно сильнее связана у профессионалов, если говорить только о факторах микроуровня, с качеством их человеческого капитала, прежде всего – с их уровнем образования (см. табл. 9.5). Отчасти связана она и с возрастом, поскольку в старших поколениях чаще можно встретить профессионалов, не имеющих высшего образования. Соответственно, хуже у бедных профессионалов и показатели Индекса человеческого потенциала, поскольку показатели входящего в него Индекса СЗ из-за ухудшения с возрастом здоровья также ухудшаются. Однако эта связь

¹⁶² Фоном выделены ячейки, показатели корреляции в которых статистически значимы на уровне 0,01. Остальные значимы на уровне 0,05.

очевидна. Гораздо более интересна роль в факторах бедности профессионалов качества их человеческого капитала в классической трактовке данного понятия, поэтому далее мы сосредоточимся именно на этом аспекте проблемы.

Таблица 9.5

Коэффициент Спирмена для различных характеристик профессионалов, с одной стороны, и их принадлежности к группам бедных или малообеспеченных, с другой, РМЭЗ, 2021 г.¹⁶³

(отранжировано по показателям для малообеспеченности)

Характеристики	Бедность	Малообеспеченность
Число детей до 16 лет в домохозяйстве	0,219	0,242
Число пенсионеров в домохозяйстве	0,137	0,198
Размер (число членов) домохозяйства	0,155	0,194
Индекс КОЧК	0,091	0,063
Уровень законченного образования	0,110	0,029
Возраст	0,088	0,013

Итак, если говорить о факторах микроуровня, то бедность в большей степени, чем малообеспеченность, связана у профессионалов с их позицией на рынке труда, обусловленной спецификой их знаний и навыков, в то время как их малообеспеченность в большей степени обуславливается факторами социально-демографического характера. Однако это не значит, что бедность не зависит от этих факторов. Вероятность оказаться в числе бедных у профессионалов из крупных семей (4 человека и более) в 5 раз выше, чем у имеющих семьи меньшего размера; у профессионалов, проживающих с детьми не старше 16 лет, – в 4,7 раз

¹⁶³ Фоном выделены ячейки, в которых корреляции статистически значимы на уровне 0,01. Прочие не значимы даже на уровне 0,05.

выше, чем у тех, в чьих семьях нет детей. Это говорит о том, что зарплаты многих российских профессионалов не предусматривают возможность даже простого демографического воспроизводства. Улучшения в данной области, несмотря на меры господдержки семей с детьми, хотя и наблюдаются, всё же пока явно недостаточны, поскольку 40% профессионалов, в домохозяйствах которых проживает двое детей, относились в конце 2021 г. к числу бедных и малообеспеченных, в том числе 12% имели доходы ниже прожиточного минимума. В 2011 г. эти показатели составляли 48% и 13% соответственно.

Не останавливаясь подробнее на этой стороне проблемы бедности профессионалов, поскольку роль связанных с размером и структурой домохозяйства факторов в формировании бедности в России подробно освещена в отечественной литературе [Анализ положения детей..., 2011; Пишняк, Попова, 2011; Слободенюк, 2013 и др.], рассмотрим вторую группу причин микроуровня, связанную с рисками их бедности. Мы имеем в виду различия в качестве человеческого капитала профессионалов, которые заметно сказываются на размерах их зарплаты: так, если среди имеющих высшее образование она составляла в конце 2021 г. в среднем 40 403 руб., то у не имеющих его – 29 041 руб.

Сильно влияют на зарплату профессионалов и значения Индекса качества общего человеческого капитала, что, естественно, сказывается и на распространённости бедности и малообеспеченности среди различающихся его значениями подгрупп профессионалов (см. табл. 9.6). Резкий перелом в распространённости бедности проходит на границе между 5 и 6 баллами¹⁶⁴ Индекса КОЧК, разделяющей профессионалов, соответствующих и не соответствующих минимальным требованиям к ним в современной экономике.

¹⁶⁴ Показатель в 6 баллов по ИЧК означает продолжительность периода обучения в 15 лет и наличие навыка владения компьютером.

Таблица 9.6

Заработная плата¹⁶⁵ и распространённость бедности в группах профессионалов с разными значениями Индекса качества общего человеческого капитала, РМЭЗ, 2021 г., %

Значения Индекса КОЧК	Средняя зарплата, руб.	Медианная зарплата, руб.	Доля бедных среди профессионалов с соответствующими значениями ИЧК, %
Высокие (10–13 баллов)	45 588	40 000	3
Выше среднего (8–9 баллов)	39 935	35 000	4
Средние (6–7 баллов)	36 915	30 000	6
Низкие (0–5 баллов)	27 181	22 350	11

Оценивая данные таблицы 9.6, нужно помнить, что в зарплаты профессионалов «защиты» и другие неравенства, уже упоминавшиеся выше. Например, для профессионалов, проживающих в сёлах, типичны низкие значения Индекса КОЧК, а для проживающих в крупных городах, напротив, относительно высокие (см. рис. 9.2).

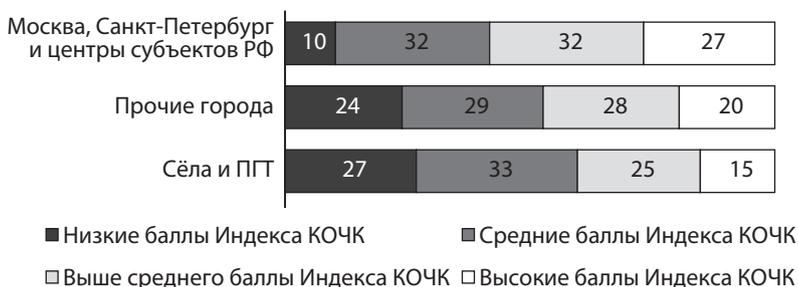

Рис. 9.2. Значения Индекса КОЧК у профессионалов, проживающих в разных типах поселений, РМЭЗ, 2021 г., %

¹⁶⁵ Для имеющих несколько мест занятости – на основной работе.

О более низком качестве человеческого капитала сельских профессионалов свидетельствует и уровень их образования: если в Москве, Санкт-Петербурге и центрах субъектов Федерации доля не имеющих высшего образования среди профессионалов составляла, по данным РМЭЗ, в конце 2021 г. всего 13%, то в сёлах таких было более чем вдвое больше (34%). При этом лишь 42% профессионалов в сельской местности получили образование на очном отделении вузов при 65% в столицах и центрах субъектов РФ (подробнее о поселенческой дифференциации качества человеческого капитала профессионалов см. [Тихонова, 2020]). Хуже у них, как уже отмечалось выше, и состояние здоровья: если в крупных городах, например, как хорошее и очень хорошее своё здоровье оценивало большинство профессионалов (53%), то в сёлах лишь 41%. Хуже у них и другие показатели качества человеческого капитала в его расширительной трактовке – в частности, характеристики культурного капитала, типа локуса контроля и т. д. Эти различия не связаны с возрастной структурой профессионалов из разных типов поселений, поскольку в крупных городах и в сёлах их средний возраст был, по данным РМЭЗ, в конце 2021 г. практически одинаков – по 43 года. Более того, зарплатный профиль профессионалов из разных возрастных групп также различался мало.

Таким образом, если бедность профессионалов существенно зависит от структурных факторов макроуровня, а также от качества их человеческого капитала как в классической, так и в расширительной его трактовке, то риски малообеспеченности для них связаны не столько с факторами, характеризующими их место в социуме, включая особенности рынков труда по месту их жительства, сколько с факторами микроуровня, относящимися к их домохозяйствам и характеру иждивенческой нагрузки в них. Хотя роль данных факторов для рисков бедности и малообеспеченности постепенно уменьшается, специфика этих социальных феноменов у профессионалов продолжает сохраняться.

Способы снизить риски бедности у российских профессионалов

В условиях сильной дифференциации как зарплат, так и рисков бедности в разных типах поселений не удивительно, что одним из ключевых способов улучшения своего положения выступает для профессионалов переезд на другое место жительства, т. е. миграция. Однако в последние десятилетия начала фиксироваться тенденция к сокращению миграции представителей данной профессиональной группы, причём довольно чётко выраженная. Только за период с 2011 по 2017 гг. доля профессионалов, имеющих личный опыт миграции после окончания школы, сократилась с 31% до 24% [Латова, 2020]. Ограниченные масштабы внутрироссийской миграции профессионалов и некоторое её сокращение в последние десятилетия подтверждают и наши данные: хотя 42% профессионалов родились не в том населённом пункте, где они проживали в момент опроса 2021 г., лишь 4% профессионалов, согласно данным соответствующей волны РМЭЗ, переехали в тот населённый пункт, где они жили в момент опроса, после 2011 г.

Таким образом, популярность миграции как средства решения своих проблем среди профессионалов постепенно уменьшается (подробнее см. следующую главу). Это связано, видимо, с тем, что у наименее благополучной их части нет ресурсов, требующихся для переезда (финансовых средств, ресурса социальных сетей и т. д.). Кроме того, качество их человеческого капитала делает для многих из них такой переезд малоперспективным в силу их относительно низкой конкурентоспособности на рынках труда крупных городов. Что же касается профессионалов с качественным человеческим капиталом, то смена места жительства внутри страны чаще всего не оказывает влияния на их личный доход [Латова, 2020], поскольку эффект от выхода на более широкий рынок труда нивелируется для них отсутствием ресурса социальных сетей, играющего в современной Рос-

сии большую роль в трудоустройстве на наиболее привлекательные рабочие места [Тихонова, 2020].

Ещё одним важным способом повысить свои доходы является для профессионалов, как и для всех россиян, вторичная занятость. В целом вторичная занятость среди профессионалов распространена мало – её имели в конце 2021 г. лишь 4%. При этом в наименьшей степени она характерна для тех, кто находится в ситуации малообеспеченности. Видимо, некоторые особенности их домохозяйств (повышенная доля в их домохозяйствах маленьких детей или требующих ухода пожилых родственников) ограничивают возможности многих из них на рынке труда. Во всяком случае, лишь 2% их имеют вторичную занятость, в то время как в остальном доходная структура имеющих и не имеющих вторичную занятость профессионалов совпадает (см. рис. 9.3).

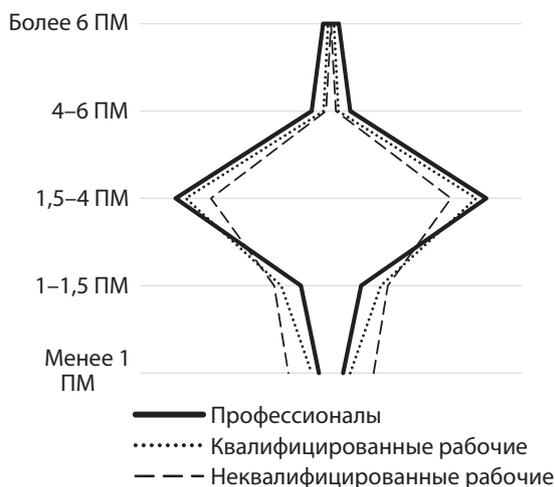

Рис. 9.3. Доходная структура домохозяйств профессионалов, имевших и не имевших вторичную занятость, в сопоставлении с региональным прожиточным минимумом (ПМ) для домохозяйств соответствующей структуры, РМЭЗ, 2021 г., %

На дополнительную работу выходят сейчас обычно те, у кого на основной работе заработная плата относительно низка (26 тыс. руб. по медиане при 30 тыс. руб. у не имеющих вторичной занятости). В этой связи стоит отметить, что за 2010-е гг. вторичная занятость приобрела для профессионалов иной смысл, нежели она имела раньше. В 2011 г. и имевшие, и не имевшие её на основной работе получали практически одинаковую зарплату (15 тыс. руб. по медиане). Вторичная занятость в этих условиях выступала скорее средством улучшить своё положение по отношению к не имеющим её, чем способом преодолеть риски бедности и выйти на тот же уровень доходов, который более типичен для профессионалов. Возможно, именно поэтому вторичная занятость среди профессионалов была тогда распространена почти вдвое чаще (8%), чем в 2021 г., а малообеспеченность и бедность встречались среди имевших её заметно реже, чем среди ограничивавшихся только одним местом работы (6% против 20% для малообеспеченности и 7% против 9% для бедности).

При этом вторичная занятость характерна в современной России сейчас в большей степени для тех профессионалов, качество человеческого капитала которых в среднем ниже, чем у не имеющих её (см. табл. 9.7). Среди них больше доля не имеющих высшего образования, учившихся на заочных отделениях вузов и имеющих более низкие баллы Индекса КЮЧК. В 2011 г. ситуация была обратной: у имевших вторичную занятость профессионалов качество их человеческого капитала было в среднем выше, чем у не имевших её.

Ещё одним способом снижения рисков бедности и малообеспеченности для профессионалов, как и для представителей других профессиональных групп, является отказ от рождения детей или, по крайней мере, от рождения второго и последующих детей. Учитывая всё ещё сохраняющуюся значимость детей в российской культуре, это обычно психологически тяжёлый для самого человека и нежелательный для государства путь предотвращения бедности и малообе-

спеченности. Однако часть профессионалов выбирает и его: среднее число детей до 16 лет в домохозяйствах этой профессиональной группы составляло, по данным РМЭЗ, в 2021 г. 0,66 при 0,74–0,75 у разных групп квалифицированных рабочих и 0,69 по работающему населению страны в целом.

Таблица 9.7

Показатели качества человеческого капитала профессионалов, имеющих и не имеющих вторичную занятость, РМЭЗ, 2021 г.

Показатели	Имеющие одно место работы	Имеющие вторичную занятость
<i>Значения Индекса качества общего человеческого капитала, баллы</i>		
0–5	18	22
6–7	31	35
8–9	30	16
10–13	22	27
Медиана	8	7
<i>Образование, подтверждённое дипломом, %</i>		
Ниже среднего специального	3	3
Среднее специальное	18	29
Высшее	79	68
<i>Другие характеристики качества человеческого капитала, %</i>		
Очный характер обучения при получении специальности	56	47

Наконец, ещё одним доступным профессионалам способом повышения их доходов выступает смена места работы в рамках их нынешнего места жительства. Как свидетельствуют данные РМЭЗ, наименьшую удовлетворенность вызывает новая работа и оплата труда на ней у сменивших сразу и место работы, и специальность. Видимо, такая мера является для профессионалов в значительной степени вынужденной, обеспечивая обычно скорее сохранение занятости, чем улучшение её качества или повышение зарплаты. Наибольший же эффект в плане роста не только их общей

удовлетворённости своей работой или оплатой труда на ней, но и реального размера заработной платы приносила профессионалам смена места работы при сохранении своей профессии: средняя зарплата составляла в данной группе в конце 2021 г. 56 748 руб. при 37 769 руб. в группе работающих на той же работе, что и раньше. Однако нельзя сказать, что показатели человеческого капитала в группе сменивших место занятости при сохранении старой профессии были выше, чем у не менявших её. Это в очередной раз свидетельствует о том, что отнюдь не качество человеческого капитала обычно позволяет представителям данной группы трудоустроиваться в России на более привлекательные рабочие места.

Выводы

Бедность и малообеспеченность распространены среди российских профессионалов довольно широко, в сумме характеризуя 19% этой группы. С учётом того, что профессионалы – очень многочисленная группа, это означает, что соответствующие доходы имеет в их составе около 5 млн человек, в т. ч. около миллиона профессионалов имеют среднедушевые доходы в своих домохозяйствах ниже прожиточного минимума. При всей масштабности этой цифры в сравнении с 2000 г., когда за «чертой бедности» находилось больше половины профессионалов, такая ситуация выглядит намного более благополучной. Однако позитивные сдвиги в данной области произошли в основном ещё до начала кризиса 2008–2009 гг., в то время как в 2010-х гг. бедность среди профессионалов сокращалась уже гораздо более медленными темпами.

Ключевой причиной бедности и малообеспеченности профессионалов является недооценка высококвалифицированного нефизического труда в России. Стоимость инвестиций в формирование качественного человеческого капитала при определении их зарплат обычно учитывается в явно не-

достаточном объёме, а цену труда профессионалов в большей степени определяет сейчас скорее соотношение спроса и предложения на конкретных сегментах локальных рынков труда, чем осуществлённые инвестиции. Кроме того, на занижении зарплат профессионалов сказываются унаследованные от СССР институты: слабая дифференциация оплаты труда массовых профессиональных групп; сформировавшаяся в российской культуре в силу бесплатности образования в тот период (а отчасти и сегодня) непонимание необходимости рент на качество человеческого капитала; слабая конкурентность российской экономики, детерминирующая по меньшей мере такую же значимость ресурса социальных сетей при подборе персонала, как и качества человеческого капитала. С учётом всего этого не удивительно, что и оплата их труда, и среднедушевые доходы в их семьях, и обусловленные этим доли бедных и малообеспеченных в составе данной группы не слишком сильно отличаются от ситуации в других профессиональных группах с гораздо менее качественным человеческим капиталом.

Общую недооценку высококвалифицированного нефизического труда в российской экономике усугубляют разного рода исторически сложившиеся неравенства оплаты труда – региональные, поселенческие, меж- и внутриотраслевые, а также неравенства в оплате труда в разных секторах экономики, на предприятиях различного размера и т. п. Ключевую роль среди них играют поселенческие неравенства, поскольку с учётом специфики структуры экономики разных типов поселений все эти неравенства накладываются в них друг на друга, формируя мощный кумулятивный эффект. В итоге если благополучные профессионалы в массе своей сосредоточены в крупных городах, то бедные – в малых поселениях, прежде всего сельских.

К причинам бедности профессионалов, имеющим макроэкономический характер, добавляются и усугубляющие их действие причины микроуровня, в том числе специфика человеческого капитала профессионалов из разных ти-

пов поселений. Однако для большинства профессионалов роль этого фактора не является решающей. Ещё одна группа причин бедности профессионалов, также относящаяся к микроуровню, связана с размером и структурой их домохозяйств. Роль этой группы причин их бедности в последние годы, несмотря на меры господдержки, уменьшилась мало, и ключевую роль среди них играет нагрузка несовершеннолетними детьми. При этом бедность профессионалов в большей степени, чем малообеспеченность, связана с позициями на рынке труда, обусловленными спецификой человеческого капитала, в то время как для малообеспеченности относительно важнее факторы социально-демографического характера, влияющие на их положение как прямо (через иждивенческую нагрузку), так и косвенно (через ограничение их активности на рынке труда).

Набор способов изменить своё положение за счёт собственных усилий для профессионалов невелик.

Это, во-первых, отказ от рождения детей – способ среди профессионалов пока не слишком популярный, хотя и встречающийся, что обуславливает один из самых низких показателей имеющих детей до 16 лет в этой группе из всех профессиональных групп.

Во-вторых, это возможность наращивать качество своего человеческого капитала. Однако в любом типе поселений большинство имеющих высокие баллы по Индексам КОЧК и Индексу КЧП профессионалов имеют в лучшем случае средние по размеру зарплаты, не способные обеспечить без высоких рисков бедности и малообеспеченности даже простое демографическое воспроизводство. Это говорит о бесперспективности такого способа борьбы с соответствующими рисками для большинства представителей этой группы.

В-третьих, это переезд в другой тип поселений. Популярность этого способа улучшения своего положения среди профессионалов с годами постепенно падает, поскольку те из них, кто объективно должен быть в наибольшей степени заинтересован в таком переезде, не имеют необходимых для

этого ресурсов. Кроме того, поскольку они чаще обладают человеческим капиталом относительно худшего качества, то такого рода переезд для многих из них может оказаться и экономически малоэффективным.

В-четвёртых, это вторичная занятость. Распространённость её за последние 20 лет среди профессионалов сократилась, а смысл изменился. Если ещё десятилетие назад они устраивались на дополнительную работу, чтобы улучшить своё материальное положение по отношению к остальным, то в 2019 г. вторичную занятость имели уже обычно лишь те из них, чья зарплата была заметно ниже, чем средняя для профессионалов, а результатом всё больших дополнительных нагрузок имеющих её оказывалась лишь возможность сохранить уровень доходов, соответствующий профессионалам в среднем.

Наконец, в-пятых, это смена специальности или места работы в рамках нынешнего места жительства. Однако смена специальности зачастую является для профессионалов лишь способом сохранения занятости как таковой. В этом случае она не ведёт к росту удовлетворенности работой даже при росте зарплаты, тем более что, как было показано в предшествующих главах, выигрыш в зарплате от такой смены хотя и есть, но обычно сравнительно невелик. Переход же на новую работу при сохранении старой специальности действительно, как правило, экономически эффективен и способствует существенному росту зарплаты. Однако качество человеческого капитала не является в масштабах страны решающим фактором для нахождения лучше оплачиваемой работы по своей специальности. Решающую роль в экономической результативности смены работы играет скорее наличие необходимого для её успешности ресурса социальных сетей, а не качество человеческого капитала.

Подводя итоги, можно сказать, что проблема бедности и малообеспеченности среди профессионалов в России сохраняет свою актуальность. Сложившееся положение чревато серьёзными последствиями для российского общества

в целом и требует от него активных действий. Высокие риски бедности и малообеспеченности при наличии двух детей порождают проблемы с воспроизводством высококачественной рабочей силы в масштабах страны. Большое количество и важная роль для заработных плат профессионалов факторов, связанных со структурой экономики в определённой локации, как и слабая связь качества человеческого капитала и уровня заработной платы, демотивируют их в наращивании знаний и навыков, понижают роль их собственных усилий для повышения своего благосостояния. Всё это требует активизации государственной социально-экономической политики даже в отношении такой, казалось бы, благополучной на общем фоне населения страны группы, как российские профессионалы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Основные научные интересы: социальная стратификация российского общества, социально-экономические последствия реформ для российского общества в целом и различных групп населения в частности, социокультурная модернизация России. Автор свыше 400 научных работ. Основные труды: «Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике» (1999), «Феномен городской бедности в современной России» (2003), «Poverty and Social Exclusion in the New Russia» (2004, 2017, в соавторстве), «Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа» (2007), «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве), «Социальная структура России: теории и реальность» (2014), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018, в соавторстве), «Общество неравных возможностей: социальная структура современной России» (2022, в соавторстве). Ответственный редактор и автор глав в десятках подготовленных по итогам крупных общероссийских исследований монографий, в т. ч. глав в монографиях по результатам международных проектов («Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries. Change and Perspective» (2013), «The Middle-Income Group in China and Russia» (2021), «Life Expectations of the People» (2021) и др.). Руководитель и участник десятков крупных исследовательских проектов, в т. ч. международных, по различной тематике.

ЛАТОВ Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: теории социально-экономических систем и социально-экономического развития, институциональная экономика, социология общественного мнения, экономическая история, человеческий капитал, теневые социально-экономические отношения, социология образования. Автор более 350 научных работ, в т. ч. статей в ведущих российских научных журналах. Соавтор коллективных монографий: «Российское общество и вызовы времени» (2016, 2017, 2022), «Экономическая история России (опыт институционального анализа)» (2016), «Социология образования. Дополнительное и непрерывное образование» (2017), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Научоёмкие производства в системе взаимодействия институтов» (2021) и др. Участник крупных исследовательских проектов по проблемам социальной динамики, общественному запросу на перемены, вопросам модернизации российской экономики и общества, особенностям российской экономической ментальности.

КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: ресурсообеспеченность различных профессиональных групп, особенности занятости и социально-экономической адаптации населения. Автор более 50 научных работ, в т. ч. статей в ведущих российских научных журналах и глав в коллективных монографиях по результатам общероссийских и международ-

ных исследований: «Российское общество и вызовы времени» (2016, 2017, 2022), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018), «The Middle Income Group in China and Russia» (2021) и др. Участник крупных исследовательских проектов, в т. ч. международных, по тематике социальной стратификации российского общества.

ЛАТОВА Наталия Валерьевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социально-психологические характеристики общественного сознания, социология образования, человеческий потенциал, этнометрия. Автор более 100 научных работ, в т. ч. монографии «Социология образования. Дополнительное и непрерывное образование» (2017, в соавторстве); глав в вышедших за рубежом коллективных монографиях по результатам международных проектов («The Middle Income Group in China and Russia» (2021), «Life Expectations of the People» (2021)); глав в монографиях по итогам общероссийских исследований – «Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017, 2022), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Наукоёмкие производства в системе взаимодействия институтов» (2021), а также статей в ведущих российских и зарубежных научных журналах. Участник крупных исследовательских проектов, в т. ч. международных, по проблематике процессов трансформации российского общества, человеческого капитала профессиональных групп, непрерывного образования.

СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна – старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Основные научные интересы: социально-экономическое неблагополучие, малообеспеченность, бедность, социальная структура и социальная стратификация, социальное неравенство. Автор более 40 научных работ, в т. ч. статей в ведущих зарубежных и российских научных журналах и глав в коллективных монографиях («Российское общество и вызовы времени» (2016, 2022), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018), «Общество неравных возможностей: социальная структура современной России» (2022) и др.). Участник проектов по проблематике социальной структуры российского общества и человеческого капитала россиян.

Научное издание

**Тихонова Наталья Евгеньевна, Латов Юрий Валерьевич,
Латова Наталия Валерьевна, Каравай Анастасия Вадимовна,
Слободенюк Екатерина Дмитриевна**

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ
РОССИЙСКИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ:
СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА, ФАКТОРЫ**

Редактор: *О. Ю. Зеленская*
Компьютерная верстка: *Е. В. Чичилов*

ISBN 978-5-89697-420-8

Подписано к печати 23.10.2023
Формат 60×90¹/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 30,5.
Тираж 000 экз. Заказ ...

Издатель: **Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН**
Тел.: +7 (499) 125-00-79
117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
E-mail: fnisc@fnisc.ru.

Отпечатано в ... типографии
Тел.: (XXX) XXX-XX-XX
Почтовый адрес с индексом